

[Л.142]

Стенограмма воспоминаний Глущенко Григория Павловича из села Шендеровка Корсунь-Шевченковского р-на Киевской обл.

Стенограмму вел научный сотрудник Комиссии по истории Отечественной войны в Украине при АН УССР – Погребинский.

Стенографировала – Несчетная.

Родился в с. Комаровка в 1928 г. Учился в школе. Окончил 5 классов. После освобождения села от немцев закончил еще 2 класса.

Во время оккупации был в деревне. Накануне того, как должны были зайти красные войска, немцы забрали много мужчин на копание окопов и пытались вывезти как можно больше людей в Германию. Мы прятались по лесам и оврагам. Вечером 3 февраля мы увидели возню среди немцев возле дома больницы, где в то время была немецкая пекарня и другие хозяйственные учреждения. Красные приходили со стороны с. Журжинец. Немцы начали вывозить раненых и отступать в сторону Стеблева. Мы ждали красных с запада, потому что каждую ночь видели там зарево боя. Убегая немцы бросили очень много муки. Как только они вышли из деревни, люди начали муку растаскивать мешками.

Ночью в селе застрочил автомат. Мы увидели, что идут военные. Раздался русский язык, но мы еще ждали, опасаясь, чтобы это не были власовцы.

Только когда они приблизились, стало ясно, что это наши. [Л.143] Радость была невероятная. Люди разбирали их по домам, угощали водкой, кормили и т.д.

В ночь с пятницы на субботу основные силы красных двинулись на Селище. Я пошел с ними, потому что решил навестить родственников в Селище.

Вечером послышался громкий грохот боя. Били самолеты. Я решил вернуться домой. Пошел через Таращу в направлении Шендеровки. «Катюши» били с Шендеровки на Стеблев. Немцы пошли в наступление из Стеблева. Захватили окраину Шендеровки. Я уходил. Снаряды ложились в поле за селом. Немцев было много. Их резервы поступали из Стеблева и попали под огонь нашей артиллерии и «катюш». Многие из них были убиты. Я шел по полю между Таращей и Шендеровкой. Выхожу на дорогу. Смотрю, под столбом стоит немец. Это был власовец, одетый полностью в германскую форму военного. Я подошел к нему, подняв руки вверх. Он приказал мне так. Меня обыскал он и спрашивает, куда я иду. Притворяясь немцем, приказал мне стоять. Стой здесь и никуда не ходи. Вблизи меня послышался стон. Присматриваюсь ближе – раненый немец. Власовец снимает с меня кожух и покрывает им раненого немца.

По дороге шли обозы, которые везли снаряжение, машины и прочее. По дороге встретили подводу, которая ехала из Шендеровки. Власовец остановил ее. Там сидел офицер. Кладут раненого на подводу, а мне приказали идти за

ней. Доходим до мостика Бакунки. Здесь меня встречает немецкий офицер и говорит по-русски. [Л.144] Значит, вы из Селища идете на Шендеровку. Я ему рассказал то, что он меня спрашивал. Но это не было правдой. Их войска вернулись на Тарашу, где практически ничего не было. Наши в это время были в Селище. Идем к Стебливу дальше. Я шел, а они ехали.

На втором мостике встречает второй офицер. Здесь они мне возвращают мой кожух. Немца раненого перенесли на вторую подводу.

Желая пройти в центр Шендеровки, они просили меня, чтобы я их провел. Нужно было проходить по пути между ставками, которые были между Стеблевым и Шендеровкой. Но на мостике Бакунки мы снова встретили немецкого офицера. Он отправил всех автоматчиков, которые были с нами, обратно. Мне приказал с одним немецким солдатом пройти в Шендеровку.

2 км по дороге в Шендеровку стояла немецкая станция связи, кухня. Немец надел на меня катушку с проводом, чтобы идти на Шендеровку. Так мы пришли в Шендеровку. Но Шендеровка горела.

По центральной улице нельзя было пройти. Здесь было много немцев, немецких машин, живой силы, танков. Так мы прошли с 1/2 км. Затем повернули в переулок. Подходим к дому. В этом доме была связь. Всего метров в 100 до передовой находился центр немецкой связи. С катушкой за спиной я вошел в избу. Но вижу, что они суетятся между собой, начал думать, как бы отсюда бежать.

[Л.145] Выйдя из дома я повернул за дом, встал. Слушаю – вокруг меня гул, все горит. Все это было ночью. Думаю себе, буду убегать. Сошел вниз к прудам. Подошел к сараю, который был здесь поблизости. Зарылся в солому. Полежал немного. Потом вышел.

Была большая стрельба. Женщины сидели в сарае, скрываясь от выстрелов шаров. Я залез в одну конюшню, где стояли коровы, и прилег. Они у меня спрашивали обо всем, что происходит вокруг.

Мимо навеса начали проходить немцы и заняли позицию за 50 км от нас.

В это время как раз началась вьюга. Эта погода помогала мне. Я решил уходить сам. Пошел возле берега. Заметил передовую, добрался до нее и прошел. Никто меня не остановил. Вьюга стихла. Мимо меня пролетали пули. Я упал и лежал. А потом на четвереньках под обороной метров 50 прополз, встал, свернул в огород. Эта хата оказалась с тыла.

Смотрю, стоят красноармейцы и смотрят. Один подошел ко мне. Начал спрашивать. Откуда ты здесь? Я им поведал. Все не верили. Установили через людей, что я местный.

При помощи жителей я прихожу в свой дом. Здесь стоят танки у дома. Здесь уже были красные войска, а там за 1 км была передовая немецкая.

Я пошел в Подлесье, по дороге зашел к своему товарищу Игорю Синько. Затем ушел от них. Прошел к мостику. Смотрю, идет подвода с санями. Маленький парень [Л.146] погоняет коней, с ним красноармеец. Подошел он ко мне. Спрашивает – ты местный, и попросил, чтобы я помог ему. А на подводе лежал раненый. Сказав, что этого раненого нужно доставить в санбат. Парень точнее рассказал, и мы уехали.

Я отвез раненого в санбат на край села, в направлении села Комаровки. Вернулся. Они мне сказали, что ты будешь работать у нашей роты. Я был очень рад и с этим согласился. И там я работал вместе с Игорем Синько. Это был 500 батальон 160 УР 4 рота. Наша работа была такова. Вечером, когда уже начинает смеркаться, мы кладем на повозку термосы с едой, картошку, водку и все это возили на передовую. Эта работа длилась всего 8 дней.

4 роту заменяла 3 рота, а 4 рота заняла вторую оборону линию. В центре городка за сквером. Мы остались при 4 роте. Побывали на отдыхе 2 дня. Днем мы со старшиной поехали к моей маме в лес. По пути встретили 7 офицеров, среди них был подполковник и майор. Подполковник остановил.

Я был вооружен шашкой и пистолетом. Подполковник попросил у меня шашку, но я ответил, что нельзя. И с этим мы поехали дальше. Не прошло и двух часов, на подлесье встретили их снова. Доезжаем до мостика. Увидели, что контрразведка ищет чего-то, мы спросили, кого они ищут.

Здесь ездили офицеры. Мы согласились, что видели. И они нам рассказывали, что это были переодетые власовцы.

[Л.147] Мы приехали туда, где находилось ротное хозяйство. Сели поужинали, выпили водки, потом легли спать. Это было ночью. Вошел к нам санинструктор Громов. И начал кричать – чего ты спишь. Смотри, в городке немцы. Поднялась паника. Выскочили во двор. Смотрим – село пылает, стрельба страшная. Здесь сейчас же были запряжены лошади. Хозяйство было отправлено в тыл.

Немцы ночью заняли с. Скрипченцы, а днем Хильки, Комаровку, Новую Буду. Селище был полностью занят нашими войсками. Разведка власовцев, которая находилась сбоку дороги на Сухинич, указала немцам путь, которые были на поле между Таращей и Шендеровкой, что путь на Подлесье свободный, и немцы из Таращи через поле вышли в центр Шендеровки.

Первая линия обороны, которая была занята 3 ротой, была в окружении. Немцы оказались между первой и второй линиями обороны. Вторая линия не знала, что творилось. Пока они вошли в курс дела, первая линия была захвачена. Центр Шендеровки захватили немцы. Старшинское хозяйство оказалось по дороге между Шендеровкой и Комаровкой на окраине села. Центр Шендеровки был сдан немцам. Весь день был бой. Мы хотели вывезти из окружения обоз, но впоследствии оказалось, что Комаровка и Новая Буда тоже были заняты немцами.

Я сам ездил в разведку в Хильки и Шендеровку, но, встретив людей по дороге, узнал, что Хильки заняты немцами. [Л.148] Началась паника. Мы не знали, что делать. Лейтенант из 22-го батальона не разрешил мне вывезти Мановцами обоз, потому что не хотели оставлять людей.

На вечер собралось немало раненых. Я решил вывести этих раненых из окружения к нашим. Их было 13 человек во главе с санинструктором Громовым. Все это я проделывал с лошадкой.

Мы вышли с перекрестка дороги в направлении Комаровки. Шли мы под берегом маленькой реки, которая идет к Комаровке. Пришли в Комаровку. Слышим, что у Комаровки немцы. Мы посоветовались и пошли между Ново-

Будой и Комаровкой. Никто нас не остановил. Так мы вышли к дороге между Моринцами и Комаровкой. Мы вышли к перекрестку дорог из Новой Буды и Моринцев, где они оба возвращаются на Комаровку.

По другой стороне дороги был лес. Пройти нам было нельзя, потому что немцы шли без остановки. Мы ждали два часа. Немцев немного поубавилось. И по лесу мы дошли к Почанинке Лисянского района. Из Почанцев мы ушли в Джуржинцы, оттуда на Медведь. В Мендвине встретили штаб УРА по дороге в село Баранполе.

Раненых устроили в госпитале. Старшину Громова направили в 501 батальон, а я остался в УРА.

Через три дня я пошел домой, не имея никаких документов. Меня по дороге задержала наша разведка. Я просидел 6 суток, выпустили только тогда, когда начальник штаба подполковник подтвердил, что я действительно помогал. [Л.149] Когда я вернулся домой – группировка была разбита.

Ученик неполной сред. школы с. Шендеровка Корсунь-Шевченковского района – Глушенко Григорий Павлович

Подпись заверена секретарем (подпись)

[Л.150] Копия.

Действующая Армия.

Характеристика.

Дана настоящая характеристика гр-ну Глушенко Григорию Павловичу в том, что он действительно давал содействие на передовой линии село Шендеровка как в части снабжения и разведки, а при окружении нас немцами он вывел всех раненых и здоровых из окружения.

В самый горячий бой представлял набитые ленты к пулемету и гранаты, участвовал Глушенко по своему желанию, в чем и дана настоящая характеристика, что и заверяем своими подписями.

Старшина 4-ой роты 500 ОПА 159 УР

Старшина (Крысяков)

Сержант (Новиков)

(Без печати). 15-02-44 г.